

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» приглашает Тел.: 208-85-00,
к сотрудничеству рекламных агентов. 208-96-46.

ДОКУМЕНТЫ И СУДЬБЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
23.09.92 № 39 (5416) 6

К 180-летию
со дня рождения

И. А. ГОНЧАРОВ:

«Я могу иметь вес только как критик или художник-беллетрист»...

Редакция «Литературного наследства» завершает работу над 101-м томом, в котором публикуются материалы, связанные с творческой биографией И. А. Гончарова.

Первый раздел «В мастерской писателя» открывается исследованием истории создания романа «Обрыв». Л. С. Гейро рисует сложный, мучительный путь романиста. Результаты ее исследования выразительно подтверждает документальная «Хроника создания романа «Обрыв», составленная из писем и воспоминаний самого Гончарова, из мемуаров, дневников и переписки его современников, свидетелей двадцатилетней работы писателя над романом. Все это подводит читателя к «Необыкновенной истории» — своеобразной исповеди автора «Обрыва». Текст ее заново прочитан Н. Ф. Будановой и ею же тщательно прокомментирован, что позволило разъяснить противоречия и неясности, которыми пестрит эта исповедь, написанная в едином страстном порыве.

Другой комплекс материалов первого раздела книги — уцелевшие главы из утраченной во время Великой Отечественной войны рукописи Б. М. Энгельгардта «Путешествие Ильи Обломова вокруг света». Здесь освещены мотивы, побудившие Гончарова пуститься в плавание, и та немаловажная роль, которую он играл в экспедиции Н. Путятина, публикуются обширные выдержки из ныне утраченного журнала экспедиции, который вел Гончаров. Исследователь приходит к выводу, что путевые записки Гончарова являются своего рода прологом к «Обломову».

Второй раздел книги содержит более 150 писем Гончарова, большая часть которых обращена к лицам, занимавшим значительное место в его жизни. Это письма к другу — поэту А. Н. Майкову, охватывающие четыре десятилетия (1842—1882); к Е. П. Майкову, в которой многие склонны видеть прототип героини «Обрыва» (1858—1869); к гр. А. А. Толстой — с ней Гончарова сближала общность религиозно-нравственных воззрений (1865—1883); к известному юристу А. Ф. Кони, дружба с которым скрашивала Гончарову последние десятилетия его жизни (1879—1891); переписка с вел. кн. К. К. Романовым — поэтом, чрезвычайно дорожившим критическими

суждениями Гончарова о его стихах (1883—1889); с актером И. И. Монаховым, чье исполнение роли Чацкого вдохновило Гончарова на создание знаменитой статьи о комедии Грибоедова (1871—1877). Из отдельных писем отметим те, что обращены к философу В. С. Соловьеву, К. П. Победоносцеву и ответ последнего, к актрисе М. Г. Савиной, А. Н. Пылину. Все эти материалы содержат множество важнейших сведений, раскрывающих особенности характера Гончарова — человека замкнутого, легкоранимого, крайне неуверенного в себе. Комментарии исследователей, подготовивших публикации эпистолярного раздела (С. В. Друговейко, О. А. Демикова, В. К. Лебедев, В. Н. Мельник, Л. Н. Морозенко, Т. И. Орнатская, Е. Н. Петухова, Н. А. Рабкина, И. В. Сухих), вводят в научный обиход ряд ранее неизвестных фактов, проясняющих и связывающих воедино различные эпизоды творческой и личной биографии Гончарова.

В третий раздел книги входит работа В. А. Котельникова «Гончаров-цензор». Автор ставит вопрос о внутренних мотивах цензорских суждений Гончарова и под новым углом зрения пересматривает как опубликованные, так и оставшиеся до сих пор неизвестными цензорские отзывы Гончарова.

Завершающий, четвертый раздел содержит аннотированный «Указатель произведений И. А. Гончарова, их переводов на иностранные языки и литературы о писателе на русском и иностранных языках. 1965—1985» [составитель Б. Л. Кандель]. К нему примыкает составленный М. В. Отрадиным аналитический обзор обширной литературы о Гончарове, появившейся к столетию со дня рождения писателя — в 1912 году.

Редакторы тома — С. А. Макашин и Т. Г. Дикесман.

Гончаровский том — последняя работа С. А. Макашина, одного из создателей «Литературного наследства» и его бессменного редактора на протяжении более пятидесяти лет. Им разработан план этого тома, организован коллектив авторов [эта работа велась при активном участии Л. С. Гейро].

Т. ДИЧЕСМАН

ИЗ ОТЗЫВА О СТАТЬЕ Н. М. ПАВЛОВА «ИНТРИГА С ПЕРВЫМ ЛЖЕДМИТРИЕМ»

17 ноября 1864 г.

<...> Московский цензурный комитет считает возможным допустить печатать статью «Интрига с первым Лжедмитрием» и встречает лишь сомнение в том, что один из главных участников интриги против Годунова или, по выражению статьи, один из «заводчиков Самозванца», есть Федор Никитич Романов, родоначальник ныне царствующего дома.

Автор статьи предполагает в первом самозванце не одно, а два разных лица по времени их появления и две интриги. Первое лицо, известное под именем Гришки Отрепьева, было, по его мнению, орудием интриги московских бояр против Годунова, которого они старались сделать ненавистным народу и свергнуть с престола. В числе бояр, явно и тайно восставших против власти Бориса, на первом плане были Бельский, Романовы и их родственники, Сицкие, Черкасские и другие.

Второе лицо, впоследствии похитившее московский престол, было исподволь подготовлено литовско-польской партией, под руководством иезуитов, с целью распространения католицизма в России и оттуда далее на Восток.

Говоря об интриге московских бояр, автор кратко, почти вскользь, останавливается на участии в ней бояр Романовых, показав между прочим, что они укрывали некоторое время Отрепьева у себя в доме, что распускали слухи о существовании Дмитрия и т. п. и что, опасаясь их влияния на народ, Годунов сослал бояр в заточение, а Федора Никитича приказал насильно постричь в монахи; что, наконец, этот последний, услышав об успехах самозванца, сбросил с себя роль смиренного и начал громко говорить о своем будущем значении, так как род его имел более прав на престол, нежели Годунов (столбцы 5,6 и 7).

Затем автор переходит ко второй и главной интриге, то есть к самозванцу, подготовленному иезуитами, и посвящает ему большую часть статьи,

оставив Отрепьева в стороне и упомянув только, что он исчез с появлением нового лица, так как в нем миновала надобность.

Во всем этом я не вижу причины к запрещению в печать статьи на том основании, что отдаленный предок царствующего дома, по предположению автора, стремился, хотя бы посредством неблагоприятной по нынешним понятиям, но свойственной тому времени интриги, к достижению в пользу своего рода прав, хитро и несправедливо присвоенных Годуновым; тем более это домогательство Романовых кажется естественным и справедливым, что оно оправдалось и подтвердилось потом всенародным избранием. <...>

Самое обличение неправды, ошибочных предположений в истории, может быть с успехом производимо ничем иным, как судом той же науки, то есть ее критического анализа. Для достижения этой цели ученых деятелям, более, нежели кому-нибудь, должна быть предоставлена свобода печатных рассуждений и прений.

Из этого права должны быть, конечно, изъяты те случаи, когда под видом исторических исследований авторы по каким-нибудь личным расчетам, например, мщения, корысти и другим, предполагают себе иные, по сторонние науке цели: оклеветать и очернить перед потомством историческую репутацию известного рода, фамилии; тогда, само собою разумеется, цензура обязана вооружаться всею строгостью авторитета против подобных исторических памфлетов и пасквилей, резко отличающихся от добросовестных исторических трудов и потому легко доступных цензурному ведомству.

Публикация В. А. КОТЕЛЬНИКОВА

ИЗ ПИСЬМА К. П. ПОБЕДНОСЦЕВУ

<Июнь 1879 г.>

<...> Кроме объясненных авторских задач в моих романах, в эти критические заметки¹ входят и замечания мои о крайнем реализме, или, лучше сказать, о литературном нигилизме, а

также и о значении личности вроде Волохова в современном обществе. А эти темы в настоящее время занимают собою всеобщее внимание. <...>

Позвольте также напомнить (как я лично объяснял), что я держался в статье этой в «пределах строго литературных», в сфере вопросов искусства, художественного творчества и т. п., упоминая о других вопросах мимоходом, не принимая на себя роли судьи — в областях религии, политики и т. д., в чем мне, как некомпетентному судье, не поверили бы и обвинили бы, пожалуй, в так называемом «шовинизме», следовательно, в умышленном желании произвести то или другое действие.

Успеха, таким образом, в том смысле, какой я придаю статье, не могло бы быть — если б я, например, вышел в открытую газетную полемику или борьбу с Волоховыми, высказав свое негодование, пустив в них гром и молнию. Это никогда не удастся, все заподозрили бы умысел, тенденцию и ничего бы не вышло. Я могу иметь вес только как критик или художник-беллетрист: тут мой голос возымеет какое-нибудь действие, но, усилив я ноты или коснусь прямо и непосредственно других струн, кроме искусства, мне веры не дадут.

Публикация Н. А. РАБКИНОЙ

¹ Речь идет о статье И. А. Гончарова «Лучше поздно, чем никогда» («Русская речь», 1879, № 6).

ИЗ ПИСЬМА К А. Ф. КОНИ

19 августа 1880 г.

<...> Записку я прочел с жадностью — и по прочтении не раз возвращался и вчера и сегодня к ней! Скажу прежде всего, что она написана с тою ясностью, трезвостью взгляда, словом, логикой, которой я удивляюсь (j'admire) в Вас, и притом с завидной краткостью, высказывающей много без многословия.

Нет сомнения, что и сущность записки убедительна, доводы и выводы неоспоримы, факты поразительны — и я полагаю, судя по тому, что совершено правительством за последнее время, что записка Ваша сильно принята была в соображение и вероятно играла немалую роль, если только она дошла по адресу, до кого следует. Может быть даже она послужила программой для новейших мер для некоторых деятелей.²

Но, к великой скорби здоровой и честной части общества, к которой мы с Вами принадлежим, следовательно, и к нашему прискорбию, все принятые меры, и все другие, какие бы они ни были, которые могут быть еще приняты в этом же роде, — суть только паллятивные меры, способные притупить, на более или менее долгий срок, острые признаки общечеловеческого недуга, утолить вопли, стон и плач многих; и то — великая заслуга, и то — слава Богу, конечно!

Но до корня этого новейшего человеческого недуга (если только это не-

дуг) — Ваша записка коснуться не могла и не должна была трогать его: это не ее цель, а своей цели она бесспорно достигает блистательно. Это Вы, конечно, признаете и сами.

Возвращаясь же при этом, благодарю Вас от всего сердца: она доставила мне часа два великого удовольствия, смешанного с великою скорбью, Вам понятно, тою самою, которою Вы закончили Ваше письмо ко мне, употребив слова Пушкина.

Можно бы было пасть подавленным этой скорбью, без веры в будущность человечества! Я сказал сейчас: «(если только это недуг)», «а не общечеловеческое стремление к обновлению» — доскажу я свою мысль.

Я верю в это, верю, что мир цивилизованный не может погибнуть под этим гнетущим недугом дряхлых, больных, горячечных мечтаний или разбойнически-дерзких и нахальных попыток нарушить или разрушить гармоническое развитие и ход людского существования и т. д. Пожар этот может на время испепелить то или другое, чтобы из пепла возникли новые фениксы и т. д. Это несомненно: мы попали в момент почти небывалой еще мировой химической работы и маемся в ней. Будем маяться, вероятно, до конца наших (не только моих, но и Ваших) дней, но не отчаиваться!

Эпохи — перехода от язычества к христианству, от темноты варварства к Возрождению (когда, казалось, все потухало и погибало) — представляют некоторую аналогию с современным. И кончилось тем, что христианство возобладало над язычеством и осенило (и будет осенять, не во гнев позитивистам) весь мир. Renaissance заглохло опять потухший свет цивилизации и т. д.

Мир ищет обновления во всем, начиная с религии и кончая полицией. У нас теперь относительно последней кое-что уже и сделано.

Чтоб идти дальше и выше, и выше — этому не поможет ни закрытие III-го Отделения, ни лучший порядок в отправлении правосудия в политических процессах и т. д. Это может устранить кризис (чего в эту минуту и нужно добиваться), — но нужна всеобщая человеческая (собственно Божья) мудрость и сила, чтобы добраться до корней, освежить их и сделать невозможным возврат к прежнему злу.

Публикация Т. И. ОРНАТСКОЙ

¹ А. Ф. Кони послал Гончарову «Политическую записку», представленную им наследнику (будущему Александру III). Это была попытка разъяснить правительству пагубные последствия закона от 19 мая 1871 г., согласно которому допускалось жандармское дознание при расследовании политических преступлений и вводился в практику административный порядок решения политических дел, подменявший судебный процесс.

² Намек на М. Т. Лорис-Меликова, по инициативе которого было реорганизовано Министерство внутренних дел, в частности ликвидировано III Отделение. Эти меры были восприняты в русском обществе как важный шаг на пути к либерализации политического режима.